

ARCHAEOLOGY IN THE 21ST CENTURY

June 26–27, 2019

THE CONFERENCE PROGRAM WITH ABSTRACTS

June 26th (Wednesday)

09.00–10.00 Registration

10.00–10.30 Conference opening and welcome addresses – Nikolai Makarov, Svend Hansen

Session chairs – Nikolai Makarov, Svend Hansen

10.30–11.00 **Svend Hansen (GERMANY)** Archaeology in the 21st century

11.00–11.30 **Alfredo González-Ruibal (SPAIN)** Institute of Heritage Sciences Santiago de Compostela

An archaeology of the contemporary era

Archaeology has transcended the temporal limits traditionally accorded to the discipline and now explores the recent past and even the present. Emphasis is no given to the relations between time, things and people, rather than to an idea of antiquity. In this talk, I will provide an outline of the archaeology of the contemporary past, describing its potential but also its problems. The archaeology of recent times faces important challenges from an ethical, political and epistemological point of view. Ethical in that contemporary archaeology works with living people and on sensitive issues; political because it often addresses questions that are of wide public relevance and at the same time divisive; and epistemological because it dissolves some of the basic tenets of the discipline. Important questions that I will explore include: Why an archaeology of our times and why know? What are its methodological challenges? How do we define our era from an archaeological point of view and how is it related to other periods?

Альфредо Гонсалес-Руибаль (ИСПАНИЯ) Институт научного наследия Сантьяго де Компостела

Археология современной эпохи

Археология преодолела временные рамки, традиционно отведенные этой научной дисциплине, и теперь занимается не только ближайшим прошлым, но даже и настоящим. В данном случае акцент делается скорее не на отношении между временем, материальными предметами и людьми, но, прежде всего, на идее древности. В своем докладе я в общих чертах буду размышлять об археологии ближайшего прошлого, останавливая свое внимание не только на ее потенциальных возможностях, но также и на ее проблемах. Археология недавнего прошлого сталкивается с серьезными вызовами, будь это в свете этики, политики или эпистемологии. В такой современной археологии этическое подразумевает, что она работает с живыми людьми и касается деликатных тем. В политическом свете это

означает, что задаются общественно значимые вопросы, которые в то же время приводят к разногласиям. А эпистемологическое измерение напоминает о том, что можно разрушить некие основополагающие принципы самой дисциплины. Важные вопросы, которые я хотел бы затронуть, таковы: Почему вдруг археология нашего времени и почему сейчас? Каковы ее методологические проблемы? Как мы можем определить нашу эпоху с археологической точки зрения и как она соотносится с другими историческими периодами?

11.30–12.00 Randall McGuire (USA) Binghamton University

The talking dog's tale: Archaeology for the 21st century

Too often archaeology is like a talking dog. That the dog can talk fascinates people, but they have no interest in what the dog has to say. Thus, the problem that faces us is not just how to get the dog to talk but how do we get the dog to say things that make a difference in people's lives. How do we build an archaeology that addresses contemporary problems, that constructs meaningful histories for communities, that preserves the environment, that protects human rights, and that lessens human suffering? In sum, that does good in the world.

My perspective emphasizes archaeology as a praxis with three parts, knowing the world, critiquing the world, and taking action in the world. Praxis springs from the realization that people make the social world in their everyday lives and that they can also subvert and transform that world. Many of the articles in this volume use the term praxis as a synonym for practice that is the substantive application of theory in the world. For me praxis implies something more and it consists of three parts: (1) knowing the world, (2) critiquing the world and (3) taking action in the world, Archaeologists have done lots of work on knowing the world, some work on critiquing the world but have taken little action to change the world.

I would argue that archaeology needs to start with the world's problems as they come to us rather than focusing on the disciplines traditional structure. The acid test of our ideas should be in the court of public and pragmatic effectiveness. Focus not on theory, methods, concepts but on audience and what we have to say to the world.

In this commentary, I will discuss my own perspective on how we can make the dog say something interesting. My commentary tells a tale of accomplishment rather than a polemic about what archaeology should be. It celebrates how archaeologists have successfully engaged in research, collaborations and pedagogies that affect people and communities. It explores how these achievements originate from US archaeology's engagement and positioning in a four-field anthropology. Anthropology has the power to affect people when it brings together culture, biology, language and the material to address issues meaningful in their lives. Archaeologies that affect people begin by discarding feelings of inferiority and the idea that archaeology needs to imitate other disciplines. These archaeologies recognize the unique contributions that the craft of archaeology can make to our understanding of the human condition. They practice our craft in the study of constructs and/or concepts that hold different meanings in different disciplines but that have enough shared meaning to facilitate translation across these worlds. The trickster lives in archaeology and the talking dog learns to yelp with the coyotes.

Сказка говорящей собаки: археология для XXI века

Слишком часто археология похожа на говорящую собаку. То, что собака может говорить, очаровывает людей, но они не заинтересованы в том, что говорит собака. Таким образом, проблема, с которой мы сталкиваемся, заключается не только в том, как заставить собаку говорить, но как заставить собаку говорить то, что меняет жизнь людей. Как мы можем построить археологию, которая решает современные проблемы, создает значимую историю для сообществ, сохраняет окружающую среду, защищает права человека и извлекает уроки из человеческих страданий? В общем, то, то творит добро в мире.

Моя точка зрения определяет археологию как практику, состоящую из трех частей: познание мира, критика мира и принятие мер в мире. Практика проистекает из осознания того, что люди создают социальный мир в своей повседневной жизни и что они также могут разрушать и трансформировать этот мир. Во многих статьях этого тома термин «практика» используется как синоним практики, которая является основным применением теории в мире. Для меня практика подразумевает нечто большее и состоит из вышеперечисленных трех частей: (1) познание мира, (2) критика мира и (3) принятие мер в мире. Археологи проделали большую работу по познанию мира, некоторые работают над критикой мира, но предприняли мало действий, чтобы изменить мир.

Я бы сказал, что археология должна начинаться с мировых проблем по мере их появления, а не фокусироваться на традиционной структуре дисциплин. Кислотный тест наших идей должен быть рассмотрен с точки зрения общественной и прагматической эффективности. Сосредоточьтесь не на теории, методах, концепциях, а на аудитории и на том, что мы должны сказать миру.

В своем докладе я расскажу о том, как мы можем заставить собаку сказать что-то интересное. В моем комментарии речь идет о достижении, а не о полемике о том, какой должна быть археология. В нем отмечается, как археологи успешно участвовали в исследованиях, сотрудничестве и педагогике, которая затрагивает людей и сообщества. Исследуется, как эти достижения восходят к участию и позиционированию американской археологии в качестве составляющей антропологии с четырьмя основными областями. Антропология обладает способностью влиять на людей, когда она объединяет культуру, биологию, язык и материал для решения значимых проблем в их жизни. Археология, которая затрагивает людей, начинается с отказа от чувства неполноценности и с идеи, что археология должна подражать другим дисциплинам. Такие археологии признают уникальный вклад, который археологическое ремесло может внести в наше понимание состояния человека. Они практикуют наше мастерство в изучении конструкций и / или концепций, которые имеют разные значения в разных дисциплинах, но имеют достаточно много общего, чтобы облегчить перевод через эти миры. Трикстер живет в археологии, и говорящая собака учится вскрикивать с койотами.

12.00–12.30 Coffee break

12.30–13.00 Johannes Müller (GERMANY) Kiel University

ROOTS – social, environmental and cultural connectivities in past and present societies

Society and the environment are subject to events and characterised by structures and processes, which give rise to essential questions. Within the German excellence cluster ROOTS central aspects of interdisciplinary archaeological research are formulated. The research cluster aims: (1) to explore the roots of social, environmental, and cultural phenomena and processes that substantially marked past human development, in a broad interdisciplinary conceptual framework; (2) to investigate archaeological and historical “laboratories” under the basic assumption that humans and environments deeply shaped each other, creating socio-environmental connectivities which still persist today; (3) to gain a better understanding of interwoven past socio-environmental dynamics and thus shed light on the “roots” of current challenges and crises under diverse economic, ecological, and social conditions; (4) to answer the essential questions about our own role and fragility in the global system, and how to deal with the consequences of climate and environmental change, increasing urbanization, social developments, conflict potentials, and the role of stability and mobility in identity processes; (5) to abstract general patterns of human behaviour and coping strategies in response to changing conditions from diachronically explored patterns; (6) to enable a re-assessment of modern phenomena based on a knowledge which takes into account past changes; and (7) to more closely combine research cultures predominantly using empirical analyses and theoretical concepts. These aims and the agenda for integrated research on past social environmental and cultural change as a topic of 21st century archaeology will be described.

Йоханес Миллер (ГЕРМАНИЯ) Кильский университет

ROOTS (истоки) – социальные, природные и культурные связи в прошлых и будущих обществах

Как общество, так и среда, в которой оно существует, определяется структурами и процессами, отсылающими нас к важнейшим вопросам бытия. Немецкий кластер ROOTS объединяет широкий круг археологов, работающих в самых различных областях. Задачи данного института состоят в следующем: (1) исследовать происхождение человека в самом широком междисциплинарном аспекте процессов, связанных с социальной, экологической и культурной средой; (2) исследовать археологические и исторические «лаборатории», принимая во внимание тот основополагающий принцип, что человек и его окружающая среда сильно влияли друг на друга, создавая социально-природные связи, которые мы можем наблюдать и в наше время; (3) лучше понимать глубоко взаимосвязанные социальные и природные процессы, происшедшие в прошлом, и, таким образом, пролить свет на «корни» происходящих в наше время вызовов и кризисов в условиях разнообразных экономических, природных и социальных условий; (4) ответить на основополагающие вопросы о нашей собственной роли и уязвимости в условиях глобализации и на то как относиться к результатам глобального изменения климата и окружающей среды, растущей урбанизации, различных социальных инноваций, нарастающих конфликтов в обществе и роли стабильности и

мобильности в определении собственной идентичности; (5) исследовать общие паттерны поведения и стратегии нашей реакции, изучая меняющуюся обстановку в свете диахронически исследуемых паттернов; (6) попробовать сделать переоценку явлений современной жизни, опираясь на опыт изучения предыдущих изменений; и (7) близко соотнести в едином культурном пространстве эмпирический анализ и теоретические концепции. Эти цели и повестка дня, касающегося комплексного исследования прошлого наследия, будут обсуждены в рамках темы археологии 21 века.

13.00–13.30 Raphael Greenberg (ISRAEL) Tel Aviv University

Archaeology and the annihilation of the material past

Massive development, supercharged capitalism, and global warming offer unprecedented threats to the survival of physical remains of the past. Construction has never been as destructive as it is today, and humanity's physical surroundings have never been subject to change as rapid as that of our times. Co-opting archaeology, developers and grant-making institutions offer and encourage enhanced technologization and digitization as an alternative to physical preservation. We are told that keeping the physical remains is inefficient and prohibitively costly, and that virtual sites, collections, archives and museums offer a more durable and accessible alternative. But human memory cannot reside solely in the virtual world, as it does not reside solely in our minds. We remember through doing and interacting with others and with the physical world. It is the actual things of the past, made present by archaeology, that remind us of the embodied, sensuous lives of our forebears. Because these things contain the agency of the past, our work is analogous to memory-work, and is important to the health of our society. Moreover, the ontological security offered by a world that is contiguous with the past requires that we preserve untouched and unaltered landscapes, monuments, sites and artifacts. All this requires a political stance that supports a different, more evenly distributed prospect for global growth than that offered by untrammelled neoliberal policies.

Рафаэль Гринберг (ИЗРАИЛЬ) Университет Тель-Авива

Археология и уничтожение материального прошлого

Строительство, происходящее в небывалых ранее масштабах, агрессивный капитализм и глобальное потепление создали такую ситуацию, когда материальным останкам прошлого угрожает опасность, которая не имеет прецедентов в истории. Сам процесс строительства никогда не был таким разрушительным как сегодня, и окружающая нас среда никогда не претерпевала такие радикальные изменения как в наше время. В результате совместных действий археологов, девелоперов и учреждений, которые выдают гранты, нам предлагают и поддерживают некие технологические или «цифровые» проекты вместо реального сохранения объектов исторического наследия. Нам говорят, что заботиться об останках материальной культуры – это неэффективно и слишком затратно, и что виртуальные сайты, коллекции, архивы и музеи представляют альтернативу более долгосрочную и доступную. Но человеческую память нельзя ограничивать исключительно виртуальным миром, также как она и не может

находится лишь в пределах нашего сознания. Наша память связана с совместными действиями и отношениями с другими людьми и с окружающим нас материальным миром. Реально существующие объекты из прошлого, которые археология делает современными, напоминают нам о подлинной, полной эмоциями жизни наших предков. Поскольку данные явления являются «проводником» прошлого, то наша работа - это своеобразное производство памяти, и она важна в свете поддержания нашего общества в здоровом состоянии. Более того, онтологическая стабильность в нашем мире, тесно связанном с прошлым, предполагает, что мы должны сохранять природу, исторически значимые памятники и места, равно как и отдельные артефакты материальной истории в их первоначальном и неприкосновенном виде. Весь этот круг проблем предполагает хорошо продуманную стратегию, культивирующую иное, более равноправное отношение к прогрессу нашего общества, в отличие от того, которое предлагает ни в чем себя не ограничивающая неолиберальная политика.

13.30–14.00 Sofia Voutsaki (NETHERLANDS) University of Groningen

Polarisation, identity politics, populism: archaeology and 21st century challenges

If I am asked to identify the main challenge for archaeology (and for social life in general) in the 21st century, my answer will be: polarisation. My reaction is admittedly coloured by my own experiences: I work in Greece, an increasingly polarised society, ravaged by the effects of the financial, political and moral crisis, but also by centuries of poor governance and corruption. In addition, I work in Laconia, southern Greece, an area with the highest proportion of supporters of the notorious Golden Dawn neo-Nazi party. Although my concerns arise from a specific context and conjuncture, discussing polarisation is at this moment relevant for many other countries and situations.

What does polarisation have to do with archaeology? We all know that the *raison d'être* of our discipline in the 19th and 20th century was to formulate myths of origins and support national narratives. With the dissolution of old ideologies, the resurgence of ethnic conflicts, the growing xenophobia and increasing political instability (if not outright war and destruction) the past is once more becoming increasingly caught in identity politics: It becomes a source of comfort and wounded pride (e.g. Greece), a weapon in internal and external politics (e.g. Turkey), the justification of national claims (the Macedonia question), the object of destruction or even the means to finance civil war (e.g. Syria), etc. etc. As a result, archaeology is once more closely becoming intertwined with contemporary identity politics – though in complex and unpredictable ways. While rising populism promotes essentialist, dichotomous and simplistic divisions, at the same time it obscures old categorisations (between progressive and reactionary, between left and right).

The main question I would like to discuss is: What can we, archaeologists, do against polarisation? In this short statement, only a few ideas can be addressed. I will focus on two seemingly different themes which will be illustrated by our research in Greece:

- The 'biologisation' of identities, i.e. the theory-free use of genetics or other techniques establishing provenance and mobility, and
- The process of 'heritagisation', i.e. the simplification and dumbing-down of the past towards the public

My main proposition will be that archaeologists need to find new *raison d'être* for our discipline in new forms of self-reflection and social engagement without lapsing to wishful thinking nor an uncritical political correctness.

София Вутсаки (НИДЕРЛАНДЫ) Университет Гронингена

Поляризация, политика идентичности, популизм: археология и вызовы 21 века

Если меня попросят назвать главный вызов, стоящий перед археологией (и в общественной жизни в целом) в 21 веке, то мой ответ будет: поляризация. В данном случае мое мнение, по понятным причинам, основано на собственном опыте. Я работаю в Греции, где общество становится все более разобщенным, вследствие глубочайшего финансового, политического и морального кризиса, но также и благодаря плохо работающему правительству и коррупции, насчитывающих не один век. Я работаю в Лаконии, южная Греция. Здесь наибольшей популярностью, по сравнению с остальными областями, пользуется печально известная неонацистская партия «Золотая заря». Хотя моя озабоченность по поводу того, что происходит проистекает из конкретных обстоятельств и размышлений над ними, мне кажется, что говорить о поляризации в настоящий момент – это важная тема для разных стран и политических систем.

Какое отношение поляризация имеет к археологии? Мы все знаем, что «суть и смысл» нашей науки в девятнадцатом и двадцатом веках состояли в том, чтобы сформулировать мифы о собственном происхождении и включиться в некую повестку дня, связанную с национальной идентичностью. Но теперь, когда старая идеология исчезает, этнические конфликты полыхают вновь, ксенофобия растет наряду со все возрастающей политической нестабильностью (не говоря уже о настоящих войнах и разрушениях) прошлое опять же оказывается все более включенным в политику, увлеченную идеей национальной идентичности. История становится определенным источником комфорта и прибежищем для уязвленной гордости (например, Греция), неким оружием во внутренней и внешней политике (например, Турция), оправданием для национальных амбиций (так называемый македонский вопрос), объектом разрушения или даже средством профинансировать гражданскую войну (например, Сирия) и т.д. и т.п. В результате археология опять оказывается включенной в современную политику, увлеченную идеей национальной идентичности, хотя и в новых сложных и непредсказуемых комбинациях. Все возрастающий популизм приводит к тому, что взгляд на мир начинает сводиться к некоторым сущностным, дихотомичным и упрощенным концепциям, но в то же время он как бы затемняет старые и привычные категории (прогресс или реакция, левые или правые идеи).

Главный вопрос, который мне бы хотелось обсудить, состоит в следующем. Что мы, археологи, можем сделать, чтобы противостоять поляризации? В моем кратком докладе я могу высказать лишь несколько соображений. Я хочу обратить ваше внимание на два аспекта, которые могут показаться не связанными друг с другом. Эти соображения появились в результате нашей работы в Греции:

- «биологизация» идентичностей, т.е. подход к генетике, лишенный теоретической основы и к другим феноменам, связанным с концепциями происхождения и мобильности, и

- процесс «геритагизации», т.е. упрощения и сведения прошлого к простым схемам в соответствии с потребностями публики.

Мое главное предложение состоит в том, что археологи должны найти новые «суть и смысл» в том, что касается нашей науки. Это будут новые формы размышления над нашими научными трудами и осознания нашего участия в общественной жизни, которые позволят нам избежать, так сказать, «благих пожеланий» и некритичной политической корректности.

14.00–15.00 Lunch

Session chairs – Leonid Belyayev, Ludmila Korjakova

15.00–15.30 Leonid Vishniatsky (RUSSIA) Институт истории материальной культуры РАН

Archaeology and the issue of the genesis of war

Археология и проблема происхождения войны

1. Споры о том, появилась ли война вместе с человеком, или же она представляет собой относительно позднее явление, ведутся в науке давно. В наши дни их ведут в основном этнографы, палеоантропологи и археологи, но их данные и выводы берут на вооружение философы, политологи и политики. Сторонников двух основных противостоящих точек зрения иногда даже именуют ястребами и голубями, подразумевая, что те, кто настаивает на изначальности и биологической обусловленности войны, якобы лишают человечество надежды когда-либо ее победить, а те, кто считает ее относительно поздним явлением, не укорененным в «природе» человека, напротив, такую надежду поддерживают.

2. До недавнего времени ведущую роль в дискуссиях о характере и самом существовании войны в бесписьменные эпохи играли этнографические данные, но с конца прошлого столетия на первый план постепенно выходят археологические материалы. Основные археологические индикаторы существования вооружённого насилия и войны в бесписьменный период можно разделить на шесть основных групп: 1) человеческие кости со следами ран, нанесённых оружием, 2) батальные сцены в искусстве, 3) боевое оружие и доспехи, 4) укрепления, 5) массовые захоронения убитых, 6) погребения воинов.

3. Находки, относящиеся к группам 2-6, появляются лишь в самом конце каменного века, и только материалы группы 1 известны уже с раннего палеолита. Среди этих материалов выделяется особая подгруппа, для которой связь с вооружённым насилием наиболее очевидна. Это кости с застрявшими в них наконечниками копий и стрел. Для каменного века Старого Света известно уже около полутора сотен таких находок. В палеолите их немного, в мезолите больше, а в неолите их число возрастает в несколько раз, но этот рост легко объяснить тем, что и общее количество скелетных остатков, происходящих с неолитических памятников, тоже намного больше того, что найдено на памятниках предыдущих эпох.

4. Наиболее показательным в плане оценки исторической динамики вооружённого насилия в бесписьменную эпоху может быть соотношение числа костей людей с засевшими в них наконечниками с числом таких же костей животных, точнее, изменения этого соотношения во времени. Анализ этих изменений позволяет наметить два переломных момента. Первый из них имел место в самом конце палеолита и в мезолите, а второй и главный в позднем неолите, на рубеже

каменного века и эпохи раннего металла. Именно в это время в культуре – и материальной, и духовной – явно стали выделяться сферы, ориентированные на обслуживание войны, что отразилось в строительстве (укреплённые поселения), ремёслах (появление специализированного боевого оружия и доспехов), ритуальной практике (погребения воинов) и искусстве (батальные сцены, изображения воинской атрибутики).

15.30–16.00 Alfredo Mederos Martín (SPAIN) Autonomous University of Madrid
Implementing a new social prehistory. Archaeological science and socioeconomic models

The progressive advances of applied sciences to Archaeology have reinforced the processual paradigm that reflects the rise of specialized journals (Journal of Archaeological Science, JAS Reports, Archaeometry, Archaeological and Anthropological Sciences). Increasingly the more important articles are published in the best journals of pure sciences (Science, Nature, PNAS, PlosOne, Scientific Reports) and research has a growing impact on the press and television. In this field, investment and research in DNA is the highest priority in recent years. However, the increase in information is generating several problems: 1) The lack of synthesis at national and European level that integrates the new data, as archaeologists are overwhelmed by the number of publications and the reaction of many of them is a thematic or regional specialization, which sometimes reinforce nationalist approaches at a time of globalization. 2) DNA analysis has focused on large-scale visions, although the data is often still insufficient in many areas, which has again oversized diffusionist theories on migrations, when larger studies on a regional scale should be prioritized or concrete cases of a site. 3) It is necessary to continue deepening in socio-economic models and social analysis as a final objective in the regional or global reconstructions of Prehistory. 4) Investment in archaeological heritage should be maintained as a way to revert to the public the scientific knowledge provided by archaeological excavations and applied research in Europe, the Middle East and North Africa.

Альфредо Медерос Мартин (ИСПАНИЯ) Автономный университет Мадрида

К вопросу о введении новой социальной предыстории. Археологическая наука и социо-экономические модели

Плодотворное сотрудничество прикладных наук и археологии вновь возбудили интерес к данной научной сфере, что отражено во все более часто встречающихся публикациях в специальных научных изданиях (Journal of Archaeological Science, JAS Reports, Archaeometry, Archaeological and Anthropological Sciences). Самые выдающиеся работы можно прочитать в лучших журналах, посвященных фундаментальной науке (Science, Nature, PNAS, PlosOne, Scientific Reports), и к этим исследованиям все чаще обращаются пресса и телевидение. Если рассуждать об этой сфере, то вложения в исследования ДНК имели в последние годы безусловный приоритет. Несмотря на это, обилие информации создает ряд проблем: 1) Отсутствие взаимодействия на национальном и общеевропейском уровне, когда новые сведения могли бы адекватно учитываться. Археологам приходится изучать огромный объем литературы, но в результате многие из них фокусируются на определенных темах или регионах, что иногда, несмотря на эпоху глобализации, может перекликаться с определенными националистическими идеями. 2) В

настоящее время анализ ДНК предполагает исследование глобальных тем, хотя информация часто бывает недостаточно полной в том, что касается отдельных областей. Здесь исследователь не должен переоценивать значение различных теорий миграции, а обращать внимание в первую очередь на отдельные случаи или на конкретные особенности того или иного места исследования. 3) Необходимо продолжить более глубокое исследование социо-экономических моделей и социальный анализ в качестве важнейшей задачи реконструкции региональной или глобальной доисторической эпохи. 4) Денежные вложения в научные исследования археологического наследия должны продолжаться. Таким образом, обществу будет доступна информация об археологических находках и их практическом изучении в Европе, на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

16.00–16.30 Nikolai Makarov (RUSSIA) Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences

Medieval archaeology in Russia in the 21st century: current trends and prospects

16.30–17.00 Coffee break

17.00–17.30 Carenza Lewis (UK) University of Lincoln

The social benefits of publicly engaged archaeology in the 21st century

Over the last 100 years, archaeological investigation has transformed our knowledge and understanding of the past, at scales ranging from entire landscapes to fragments of DNA. In the 21st century, archaeologists have become increasingly aware of the impact their work can have on wider society. This paper will consider the positive benefits this impact can bring to different communities and people of all ages. Presenting data from specific projects in the UK and beyond, it will show how involving members of the public in archaeological investigations has been able to disseminate knowledge, instil new transferrable skills, raise academic aspirations, increase social mobility, enrich lives, enhance self-esteem, extend social networks, connect people with place and strengthen social cohesion, while also helping protect archaeological remains. It will conclude by considering how such approaches are being developed in different countries including the Netherlands, Czech Republic and Poland.

Каренца Льюис (ВЕЛИКОБРИТАНИЯ) Университет Линкольна

Социальные блага общественно значимой археологии в 21 веке

За последние сто лет археологическая наука внесла значительные изменения в наши знания о прошлом, и при этом на самых разных уровнях – от изучения обширных территорий до образцов ДНК. В 21 веке археологи начинают все более осознавать то значение, которое их работа может иметь для общества в целом. В данном случае я бы хотела сосредоточиться на позитивных последствиях этого процесса, касающегося как социума, так и каждого отдельного человека, независимо от его возраста. Опираясь на данные, взятые из различных британских и других проектов, я попытаюсь показать как включение отдельных людей в археологические исследования помогло распространять знания, обучать навыкам, которыми в дальнейшем можно поделиться, стимулировать научную карьеру или социальную мобильность, сделать жизнь ярче, повысить самооценку, расширить

круг общения, помочь людям заинтересоваться определенным пространством и укрепить связи в общественной жизни. И все это сопровождается активными усилиями по сохранению археологического наследия. В заключении я расскажу как подобные подходы реализуются в разных странах, включая Голландию, Чехию и Польшу.

17.30–18.00 Asja Engovatova (RUSSIA) Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences

Rescue archaeology in 21st century Russia: challenges and achievements

Спасательная археология в России XXI века: проблемы и достижения

К началу XXI столетия российская археология подошла после масштабного кризиса середины 1990-х годов. Система, сложившаяся в советский период, была нарушена – в условиях отсутствия законодательства, регулирующего вопросы сохранения культурного наследия в стране, на первый план вышли спасательные работы, полностью поменялась система финансирования научных исследований.

Большим достижением для археологии в начале века стала выработка в России нового законодательства в области сохранения культурного наследия. В 2002 г. был принят Федеральный закон №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

Отправной точкой для совершенствования российского законодательства в области археологии стала ратификация в 2011 г. Европейской конвенции об охране археологического наследия, большую роль в которой сыграл коллектив Института археологии Академии наук. Академическое сообщество, понимая важность сохранения памятников археологии для государства именно через законодательство, добивалось принятия этого важнейшего документа, в котором учтены многие существующие для памятников археологии угрозы, предложены пути для сохранения археологического наследия.

В дальнейшем, в 2013-14 гг., были приняты законы, направленные на сохранение именно археологического наследия в России (№245-ФЗ и №315-ФЗ). Главным в них стала попытка противостояния «черному копательству» на памятниках археологии, которое резко активизировалось в конце 1990-х – начале 2000 гг.

Благодаря изменениям в законодательстве резко выросло число археологических работ в стране - сейчас активно проводят исследования, предваряющие крупные строительные работы, и выявляют сотни новых памятников. Благодаря введению государственной историко-культурной экспертизы земельных участков, число археологических исследований возросло в разы даже в регионах, где традиционно оно было не очень высоко.

С другой стороны – такая ситуация привела к созданию мощного строительного лобби, выступающего против проведения экспертиз.

Сопутствующей проблемой стало появление большого числа коммерческих археологических фирм, деятельность которых часто нацелена на получение прибыли и не ориентирована на научные результаты.

Эта ситуация частично нивелируется наличием системы научного контроля Академии наук за всеми проводимыми на территории России археологическими работами, сохраненной с советских времен и в настоящее время закреплённой законодательно.

В научном плане достижением академической спасательной археологии является возможность проведения исследований большими площадями на особо охраняемых памятниках – в центрах исторических городов, на территории крупнейших монастырей. Примером того, что сложившаяся на данный момент в России система спасательной археологии работает, стали масштабные исследования в Крыму на строящихся объектах трассы «Таврида» и на автомобильных и железнодорожных подъездных путях к Крымскому мосту.

18.00–18.30 Discussion

18.30 Buffet

June 27th (Thursday)

Session chairs – Sabine Reinhold, Maria Dobrovolskaya

11.00–11.30 Felipe Criado-Boado (SPAIN) Spanish National Research Council

The future of archaeology: ancient for the future

The vision of linear time in which we have been embedded (if not embodied), identifies the past with what is behind and the future with what lies ahead. However Archaeology, despite the fact that many colleagues still insist on linking Archaeology to chronology and the past, no longer uses/should use these simple notions of temporality that derive from modernity. Archaeological practices increasingly mobilizes much more complex representations of social time. The future is where we're going, and we see it ahead. But the past is what allows us to go there and it is also ahead of us because we have seen and still see it; we do not forget it. When we look straight ahead, space and time fold in front of us to superimpose the past we were, and the future we want to be. In fact, cognitive science knows that the sense of sight has at least as much to do with memory as with the visual perceptual stimuli we receive. Moreover, this view I am addressing is directly related to the cultural concept of time and space in the Andean world. If we accepted this (instead of agreeing with metaphysical categories of linear time as scientific and proven when they are only modern, historical and western), then perhaps we would better understand the problems we face today when the categories inherited from Modernity are no longer sufficient to explain what is happening to us. It's not that the past returns: it's that it was always there. Based on these ideas, I will present some reflections about how thinking about the contribution of archaeology for the building the future, about what issues will be more important and about how, in spite of our best will, this effort fails the most of the time. But it is because we are thinking “today” how to solve problems of “tomorrow” with the ideas of “yesterday”. We should change this perspective with the ideal I outlined above: we should think the solutions of “tomorrow” with our feet places in the “after-tomorrow”. For this, we do not need an Einstein-Rosen bridge; we have got archaeology.

Фелипе Криадо-Боадо (ИСПАНИЯ) Испанский национальный исследовательский совет

Будущее археологии: древность ради будущего

Видение линейного времени, которое нам привычно (а, может быть, и присуще) определяет прошлое как нечто, что находится позади, а будущее – как то, что нам предстоит. Все же археология, несмотря на то, что многие наши коллеги по-прежнему настаивают на ее связи с хронологией и прошлым, более не использует/или не должна использовать эти упрощенные понятия о движении времени, которые диктуют нам современный взгляд на вещи. Археологический опыт все более наводит нас на мысль о том, что социальное время представляет собой более сложное явление. Будущее – это направление, по которому мы движемся, и мы видим его впереди. Но именно прошлое позволяет нам туда добраться, и в то же время оно впереди нас, поскольку мы его видели или видим до сих пор; мы не можем его забыть. Когда мы смотрим прямо вперед, время и пространство разворачиваются перед нами, заслоняя наше прошлое и будущее, в котором мы хотели бы себя видеть. На самом деле когнитивная наука утверждает, что способность к зрению, как минимум, зависит от памяти также как и от визуальных впечатлений, которые мы переживаем. Подобный взгляд на мир, о котором я говорю, напрямую связан с концепцией времени и пространства, распространенной в культуре андских стран. Если его принять (а не просто соглашаться с метафизическими категориями линейного времени в качестве научных и доказанных понятий, хотя это всего лишь достижения современной, исторически детерминированной и западной мысли), то тогда, возможно, мы лучше поймем проблемы, с которыми нам приходится сегодня сталкиваться, когда концепции, унаследованные от Нового Времени, уже недостаточны для того, чтобы объяснить происходящее с нами. Это не вопрос возвращения прошлого: просто оно всегда было здесь. Размышляя над этими проблемами, я попытаюсь поделиться некоторыми своими соображениями о вкладе археологии в архитектуру будущего, о том какие именно темы представляются наиболее важными, и о том, почему несмотря на наши благие намерения, как правило ничего из этого не получается. Но причина здесь кроется в том, что мы «сегодня» думаем, как решить проблемы «завтра», используя идеи «вчера». Мы должны изменить эту точку зрения, оглядываясь на ту цель, которую я определил выше: нам следует отвечать на вопросы о «завтра», твердо опираясь на концепцию «послезавтра». Для этого нам не нужен мост Эйнштейна-Розена; у нас есть археология.

11.30–12.00 Sergei Vasiliev (RUSSIA) Институт истории материальной культуры РАН

The human settlement of North America: A new look at the old problem

Заселение человеком Северной Америки: новый взгляд на старую проблему

Проблема происхождения аборигенов Америки – одна из наиболее волнующих глав мировой истории. Процессы первоначального заселения человеком Нового Света могут быть реконструированы только на основе синтеза данных ряда естественных и общественных наук (палеогеографии, четвертичной геологии, археологии, фольклористики, некоторых разделов этнографии, физической антропологии, молекулярной генетики, лингвистики). Ранняя археология Северной Америки неразрывно связана с палеогеографическими феноменами позднего плейстоцена – развитием и деградацией ледниковых щитов, образованием безледного коридора,

осушением значительных площадей шельфа и др. Особое значение в последнее время приобретают данные палеогенетики.

Вместо принятой в свое время картины единой волны первоначального заселения, ориентированной с северо-запада на юго-восток (от Берингии через коридор Макензи на территорию к югу от ледниковых щитов), складывается сложная история одновременных и разнонаправленных миграций. Древнейшие люди проникли на основную территорию Северной Америки из Берингии. В эпоху позднего плейстоцена Берингийская суша существовала в интервале от 27 до 14,0-13,8 тыс. лет по калиброванной шкале. Путь вдоль тихоокеанского побережья Северной Америки считается наиболее вероятным маршрутом движения первых поселенцев. Этот проход был пригоден для расселения, начиная со времени примерно 15 тыс. лет. Открытия последних десятилетий убедительно показали наличие в различных частях североамериканского континента четко стратифицированных комплексов, более древних по сравнению с культурой кловис. Речь идет о пунктах возрастом порядка 15-14 тыс. лет, хотя есть и более ранние даты. Особое значение имеют находки из пещер Пейсли в Орегоне, свидетельствующие о более раннем по сравнению с кловис (начиная с 15 тыс. лет), появлении на западе континента культуры черешковых наконечников, в дальнейшем сосуществовавшей с кловис. Продвижение по коридору Макензи по-видимому имело место в более позднее время. На территории юго-востока США возникла культура кловис (датированная преимущественно в интервале 13,4-12,7 тыс. лет), распространившаяся в северном и западном направлениях по всему континенту. Наконец, финал плейстоцена ознаменовался «обратной» миграцией группы палеоиндейцев на север, по коридору Макензи, в Берингию.

12.00–12.30 Coffee break

12.30–13.00 Ludmila Korjakova (RUSSIA) Институт истории и археологии УрО РАН

Rüdiger Krause (GERMANY) University of Frankfurt

Archaeology of a lifestyle: A study of Bronze age monuments of Southern Trans-Urals

Based on collaboration with a group of scientists and students of the Frankfurt University the research aimed the reconstruction of essential components of the lifestyle of the population inhabited the Karagayly-Ayat river valley in the first half of the second millennium B.C.

Investigations included: excavations of settlements and burials of the Sintashta and post-Sintashta time, research of the natural environment, forms of adaptation, resources, habitat and livelihoods systems, people and their cultures. In the first phase, the study covered fortified settlements of the Sintashat-Petrovka type, their architecture, economy, and use of natural resources. In the second phase, the research concerned the sites and cultures of the post-Sintashta cultural horizon. People were under special attention.

The report will present the main results of these studies. The research significantly expanded the source base of the topic, adding to the database in almost all sections. The most unexpected result was in changing our perception of the “lifestyle” concept as applied to archaeological (fossil) reality, bringing it, as far as possible, to the anthropological dimension. A wide range of methods used by various disciplines and their interaction provided information on the people themselves, their appearance, health

status, nutrition, origin, activities, and environment, forms of its organization, economic activity. These people had the necessary knowledge about the surrounding nature and its resources (deposits of stone, copper ore), had the skills needed in construction and architecture, owned different types of industries. They had a special relationship with water. Animal husbandry supplied them with food, milk, leather, bone for the manufacture of various tools, etc. These people had developed skills of keeping and grazing cattle, part of which (oxen) they used for hard work. The results of isotopic studies indicate that in the first half of the second millennium B.C. both people and animals (herds) did not leave the river valley for long distances, leading, in general, a relatively sedentary lifestyle. It was especially characteristic of the inhabitants of the complex fortified settlements of Sintashta culture. However, these settlements did not last too long, since their model and device did not contribute to the long existence in the climatic conditions of the Trans-Urals. Gradually, the Sintashta architectural tradition transformed into the village model that was usual for this region with a conditionally regular or chaotic layout. Cattle breeding also slowly changed in the direction of greater mobility, evidenced by the change in the ratio of different species of animals in a herd.

Людмила Корякова (РОССИЯ) Институт истории и археологии УрО РАН
Рудигер Краузе (ГЕРМАНИЯ) Университет Франкфурта

Археология образа жизни

(по материалам исследования памятников эпохи бронзы Южного Зауралья)

Целью нашего исследования, выполнявшегося в сотрудничестве с группой ученых и студентов Франкфуртского университета, была реконструкция основных компонентов образа жизни населения долины р. Карагайлы-Аят (Южное Зауралье) в первой половине второго тыс. до н.э. Это предусматривало: раскопки поселений и могильников синташтинского и постсинташтинского времени, исследование природной среды, форм адаптации к ней, ресурсов, систем местообитания и жизнеобеспечения, людей и их культуры. В первой фазе исследования охватывали укрепленные поселения синташтинского-петровского типа, их архитектуру, особенности экономики и использования природных ресурсов. Во второй фазе изучались памятники и культуры постсинташтинского культурного горизонта. Особое внимание уделялось изучению людей.

В докладе будут представлены основные результаты этих исследований. Проведенные исследования в значительной мере расширили источниковую базу темы, пополнив базы данных практически по всем разделам. Самый неожиданный результат выразился в изменении нашего восприятия концепции «образа жизни» в применении к археологической (ископаемой) действительности, приблизив его, насколько возможно, к антропологическому измерению. Широкий спектр использованных методов различных дисциплин и их взаимодействие позволили получить информацию как о самих людях, их облике, состоянии здоровья, питании, происхождении, видах деятельности, так и среде обитания, формах ее организации, хозяйственной деятельности. Эти люди имели необходимые знания об окружающей их природе и ее ресурсах (месторождений камня, медной руды), обладали необходимыми навыками в строительстве и архитектуре, владели разными видами производств. У них было особое отношение к воде. Животноводство поставляло им пищу, молоко, кожи, кость для изготовления

различных орудий и т.д. Эти люди обладали довольно развитыми навыками содержания и выпаса скота, часть которого (волы) использовались для тяжелых работ. Результаты изотопных исследований свидетельствуют о том, что в первой половине второго тыс. до н.э. и люди, и животные (стада) не уходили из долины реки на далекие расстояния, ведя, в целом, относительно оседлый образ жизни. Он был особенно характерен для обитателей сложных укрепленных поселений синташтинской культуры. Однако эти поселения просуществовали не слишком долго, поскольку их модель и устройство не способствовали длительному существованию в климатических условиях Зауралья. Постепенно синташтинская архитектурная традиция трансформировалась в привычную для этого региона модель поселка с условно регулярной или хаотической планировкой. Скотоводство также медленно менялось в сторону большей подвижности, свидетельством чего стало изменение соотношения различных видов животных в стаде.

13.00-13.30 Guo Wu (CHINA) Institute of Archaeology, Chinese Academy of Social Sciences

Land rituals for heaven: New archaeological discoveries of an early nomadic kingdom in Sandaohaizi in Xinjiang

There are some new archaeological discoveries in the Sandaohaizi Sites in Qinhe County in Xinjiang, China. We excavated all kinds of the ruins in this region mainly constructed by stone, deerstone, shieldstone and offering stone circles. It is clear that Sandaohaizi was a ritual center of early nomadic kingdom, there are many similarity between the Mausoleum in Arzhan in Russia and the Sandaohaizi sites, these stone constructions with deerstone symbolized one kind of soft cultural power which could be used as a ritual power to unite many tribes in the steppes by nomadic kingdom. As a result, the early nomadic kingdom could expand quickly and control a vast territory. In a word, we can get several points on the latest discoveries in Sandaohaizi region.

1. Early nomadic kingdoms appeared during the early period of the first millennium BC.
2. Embodied by those objects or art theme symbolized the ideology of the ruling class, the prestige goods, the imperial kinsmen's cemetery, the large seasonal ritual center.
3. The formation and expansion of the Aldy bel /Sandaohaizi culture reflected this process.
4. Standing gold deer, curled up or standing snow leopard, the implements of the boar or patterns, and the conical gold earrings, widely spreading with along the expansion.
5. Kurgans of Arzhan Valley in Tuva in Russia is the imperial kinsmen's cemetery, the land of Sandaohaizi is the ritual center in summer.
6. Those early nomads were likely to be Arimaspians in west historical text and Single Eye People in Chinese text.

13.30–14.00 Claus von Carnap-Bornheim (GERMANY) Centre for Baltic and Scandinavian Archaeology

Dealing with a monster! Viking age Hedeby and its research strategies of the early 21st century

Since the end of the 19th centuries archaeological research has taken place in Viking age Hedeby in Northern Germany. Since then an enormous amount of data has been collected which is reflecting different methodological approaches. The main problem still is how to

bring the huge amount of finds in a correct relationship to the huge amount of features documented by different excavators. GIS-systems seems to be a solution but long term strategies are necessary to develop them properly. Since about a decade this work is done in connection with the archaeological archive of Hedeby. First results are to be shown but still the Gordian knot isn't severed. But first interesting results in combining old and recent data could be shown. It becomes obvious that another decade will be necessary to finalize this work to a sufficient extend.

Клаус фон Карнап-Борнхайм (ГЕРМАНИЯ) Центр балтийской и скандинавской археологии

Разбираясь с монстром! Хедебю времен викингов и стратегии раннего 21 века

Археологическая наука, начиная с конца девятнадцатого века, занимается раскопами Хедебю в северной Германии, относящимися к эпохе викингов. С тех пор было собрано невероятное количество информации, объединяющей различные методологические подходы. Главная проблема по-прежнему состоит в следующем – как проанализировать большое количество находок в четком соответствии с различными методологиями исследований. Конечно, системы GIS представляются как один из выходов из положения, но здесь нужно разработать долгосрочные стратегии, чтобы они могли нормально функционировать. Подобные исследования в археологическом архиве Хедебю ведутся уже практически на протяжении десятилетия. Первые результаты вскоре появятся, но гордиев узел по-прежнему не разрублен. И все же можно взглянуть на предварительные итоги сравнения старой и новой информации. Однако, становится очевидным, что понадобится еще одно десятилетие, чтобы привести эту работу к некоему завершению.

14.00–15.00 Lunch

Session chairs – Carenza Lewis, Claus von Carnap-Bornheim

15.00–15.30 Maria Dobrovolskaya (RUSSIA) Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences

“Human archaeology” conception as the base of multidisciplinary study with the humanitarian dominance

A flood of new high technological methods has become the «visiting card” of archaeology of the border millennia’s. Human skeletal remains are the most “attracted” materials because of paleo DNA, isotopic and other high technological methodic achievements. Do these methods always bring new results? For example, may we to characterize individual's or group's patterns of the lifestyle or genetic roots without Knowlagent of differentiation inside society? What do we know about cultural influence on selection? A lot of questions...Conception of ‘human archaeology” let us to estimate the lifestyle of individual (group) as cultural pattern and avoid “biologization” of processes that labeled by biological markers but are the result of cultural development.

15.30–16.00 Sabine Reinhold (GERMANY) German Archaeological Institute

Is bioarchaeology still a part of the humanities in the 21st century?

In 2013 the journal Current Swedish archaeology published a volume dedicated to the role of archaeology in-between the field of humanities and archaeological science, and with a task comparative to the scheduled meeting in Moscow "How might the future look in the light of new information gained from archaeometry and how will different archaeological communities come to grips with these new developments?". Archaeological sciences had been for a long time to the periphery, providing useful information on living conditions, economic practices or land use, but were for a long time not considered as equaling cultural products – artefacts – as sources of historical information.

This has entirely changed with the rapid technical and methodological developments in fields like biochemistry, the analysis of stable isotopes, and lately paleogenetics. New information levels were opened, and data began to be available, that enabled entirely new perspectives into the actual daily practices of past people. The trajectories of the biological development of humans and related animals became evident as well. The authors – archaeologists and scientists – in 2013 were rather optimistic and emphasized on the benefits of mutual research and interdisciplinarity. Yet, has archaeology as the pre-history of humans as social beings been epistemologically prepared for these new perspectives? It seems not, when following the controversial debates, which chiefly ignited on findings and hypothesis outlined by paleo-geneticist in the past few years. Some of them claim to solve the last mysteries of the human past and reveal how we got where we are today. But, is the development of mankind equivalent to the history of human practice, i.e. culture?

Archaeological theory at the beginning of the 21st century faces the rekindled challenge of the intellectual struggle between humanities and science. Yet, archaeological thought is in the same crises as the post-modern world in general. The focus on individuality, agency and person-focused debates with micro-historical approaches, meanwhile mainstream in the Anglophone debate, but not only there, has little answers to the large-scale phenomena brought into the discussion by the archaeological sciences. Archaeometric and bioarchaeology, however, contribute meanwhile levels of information to the study of the human past, which were not imagined before – biological kinship relations, daily practices, foodways etc.. They challenge but likewise extend the study of humans as a social and biological totality. This requires however new – or revive some old? – theoretical debates on the biological nature of humans as social beings.

Сабина Рейнхолд (ГЕРМАНИЯ) Немецкий археологический институт

Является ли в 21 веке биоархеология по-прежнему частью гуманитарных наук?

В 2013 году журнал "Current Swedish Archaeology" опубликовал работу, посвященную междисциплинарной роли гуманитарных наук и археологии как точной науки. Здесь преследовалась цель в чем-то схожая с запланированной конференцией в Москве. «Как может выглядеть будущее в свете новой информации, полученной из археометрии и как различные археологические сообщества смогут осознать эти нововведения?» Археологическая наука долгое время находилась на периферии, предоставляя полезную информацию об уровне жизни, профессиональных занятиях или о землепользовании. Но на протяжении многих лет ее выводы казались не столь значительными по сравнению с самими культурными артефактами, служащими источником исторической информации.

Все это полностью изменилось в ходе стремительных технологических и методологических достижений в таких областях науки как биохимия, анализ стабильных изотопов и, в самое последнее время, палеогенетика. Появились новые пласты информации, и нам стали доступны такие сведения, которые позволяют увидеть повседневную действительность живущих в прошлом людей в совершенно новом свете. Траектории биологического развития человека и родственных ему животных также оказались в фокусе нашего внимания. Авторы текстов – археологи и ученые – еще в 2013 г. были скорее оптимистично настроены и говорили о пользе совместных научных исследований и междисциплинарных изысканий. И все-таки была ли готова археология, изучающая доисторического человека как некое социального существа, разглядеть эти новые горизонты в эпистемологическом свете? Представляется, что нет, особенно если обратить внимание на многочисленные споры, возникшие в первую очередь благодаря находкам и гипотезам, которые палео-генетики сформулировали в последнее время. Некоторые из них претендуют на то, что они разгадают последние загадки человеческого прошлого и объяснят нам каким образом мы оказались в нынешней современной ситуации. Но ведь развитие человечества трудно свести лишь к истории быта или культуры?

Теория археологии в начале 21 века сталкивается с некогда известной интеллектуальной оппозицией между гуманитарными и точными науками. В то же время археологическая мысль находится в таком же кризисе как и весь мир пост-модернизма. Особый акцент на индивидуальности, институциях и на микро-исторических подходах, будь он даже основополагающим в англофонном дискурсе, но и не только здесь, мало соответствует крупномасштабным проблемам, которые исследует археологическая наука. При этом археометрика и биоархеология все же в настоящее время помогает нам узнать многое о прошлом человечества, особенно в тех его аспектах, которые ранее казались недоступными - биологические родственные связи, повседневные практики, системы питания и т.д. Все они означают новые вызовы и в то же время расширяют наше знание о человечестве как о социальной и биологической общности. Все это, однако, предполагает новые (или отчасти ревизию старых?) теоретические дискуссии о биологической природе человека как социального феномена.

16.00–16.30 Coffee break

16.30–17.00 Wang Peng (CHINA)

A specific motif in Okunev-Samus' and Shang-Zhou art

Ван Пэн (КИТАЙ) Институт археологии Китайской академии общественных наук

Особый сюжет в окуневско-самусьском и шан-чжоуском искусстве

В 2016-2017 гг. Саянской экспедицией ИИМК РАН проведены раскопки кургана № 12 могильника Итколь-II на территории Ширинского района Республики Хакасия (Поляков А. В., Лазаретов И. П., Есин. Ю. Н., 2018). В могиле № 3 учёные получили разнообразные уникальные находки. Одной из наиболее интересных оказалась курильница с изображениями трех личин с лучами, особое значение которой уже было отмечено исследователями (Поляков А. В., Есин Ю. Н., 2017).

Курильницы являются одним из специфических видов керамических сосудов втор. пол. 3 - нач. 2 тыс. до н. э. на территории Южной Сибири. Их изображения можно видеть в произведениях искусства того же времени. В первом случае они находятся на лбе ликов на наскальном изображении окуневской культуры (Есин Ю. Н., 2012). Во втором случае - между двумя птицами на керамическом сосуде самусьской культуры (Есин Ю. Н., 2009).

Аналогичная ситуация характерна для орнаментации бронзовых ритуальных сосудов шан-чжоуской культуры Китая.

Причиной детального сходства между древними предметами искусства Южной Сибири и Китая, на наш взгляд, конечно, является не культурный обмен, а общий культурный ген, который формировался в северной и северо-восточной Азии в глубокой древности. Этим же объясняется сходство между курильницей с изображениями трех личин из могильника Итколь-II и шан-чжоускими бронзовыми ритуальными сосудами с изображениями трех масок таоте. С этой точки зрения, несомненно, правильно, что С. В. Киселев связал окуневские изваяния с изображениями личин таоте (Киселев С. В., 1951), хотя позже он и изменил свою точку зрения (Киселев С. В., 1962).

17.00–17.30 Dmitry Korobov (RUSSIA) Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences

**Landscape archaeology in the early 21st century – old paradigms and new technologies
Ландшафтная археология в начале XXI века - старые парадигмы и новые технологии**

С момента своего зарождения как науки археология привлекала разнообразные методы полевых и камеральных исследований, используя знания из биологии, геологии, географии, этнологии, позднее — физики, генетики и многих других дисциплин. Постепенно в изучении разнообразных древностей вырабатывался комплексный подход, помогающий ответить на основные вопросы, волнующие археологов: «Когда?, Кто?, Каким образом?».

Со второй половины XX в. исследователи стали все чаще задаваться вопросом: каким образом функционировали древние культуры, как человек адаптировался в природном окружении, какие природные ресурсы он мог использовать при занятиях охотой и собирательством, земледелием и скотоводством. Задача по детальной реконструкции природного и ландшафтного окружения человека в сочетании с его хозяйственной деятельностью решалась с привлечением методов палеоботаники, археозоологии, почвоведения; впервые они были применены в начале 1930-х годов.

К середине 1980-х годов окончательно оформляется направление, названное ландшафтной археологией, которое представляет собой комплексную методику изучения взаимодействия человека и окружающего ландшафта. Оно дало толчок новым исследованиям сельских поселений и их сельскохозяйственной округи с применением данных дистанционного зондирования (аэрофотосъемки и космических снимков), с систематическим сбором подъемного материала и широкомасштабными археологическими разведками. Одна из характерных особенностей ландшафтной археологии — ее мультидисциплинарность, тесная взаимосвязь с методами естественных наук (археозоологией, палеоботаникой, палеопочвоведением, геоморфологией), позволяющая осветить разные аспекты

человеческой жизнедеятельности, адаптации и преобразования используемых ландшафтов.

В докладе рассматриваются новые технологические приемы, возникшие в начале XXI столетия, которые активно применяются при изучении культурного ландшафта: лазерное воздушное сканирование (LiDAR), методы фотограмметрии, другие геоинформационные технологии. Особое внимание уделяется новейшим способам выделения пахотных удобряемых наделов, разработанным российскими специалистами в области археологического почвоведения.

18.00 Buffet